

Когда я впервые прочитал стихи Зинаиды Миркиной — это случилось осенью 2015 года, — то почувствовал: что-то во мне изменилось. Как такое объяснить?

Я увидел, что это стихи человека, воспринимающего жизнь как чудо. Стихи человека ясного духовного зрения и душевной чистоты. Не замкнувшегося на себе, на своих желаниях и страстях, но напротив — открытого миру, чувствующего себя родственным каждой травинке, каждой душе, каждой звезде; частью мира, частью Вселенной. Это стихи человека, принимающего жизнь как целое — «объяв весь мир без разделения», — и прекрасное, и безобразное. Готового противостоять уродливому, разрушительному, опираясь на свои духовные силы, которые — неисчерпаемы: нужно только «доглядеть страшную, граничащую

с кошмарами очевидность до стройности и великой гармонии невидимого очам внутреннего мира» (из эссе о Рильке «Невидимый собор»). Дух — всесилен, при постоянной уязвимости физической; дух — вечен, земное, физическое — смертно. Потому и главное, что необходимо уметь — «нащупать дно среди бездны плача, / В крошечной тьме увидеть свет»; идти к свету — и ничего не бояться, смотреть только на свет!

Зинаида Миркина увела меня от «художественности», «литературности», «эстетичности» и оставила наедине с самим языком, со звуками природы, с лесным покоем, с земным и небесным простором, оберегая от социальной суеты, от тяжёлой усталости большого города, от механической спешки, от напряжённого шума.

Она писала словно бы для птиц, для травы, для деревьев, для моря, для неба... И строки рождались так же, как пение птиц, шелест деревьев, шорох волн. Тишина, создаваемая стихами Миркиной — не просто «тишина природы»; это тишина, которая до дна очищает душу и переполняет благодатью.

Благодаря этим негромким мотивам, благодаря таким простейшими средствами я впервые смог ощутить собственную безграничность, понять, что необходимо — искать и находить вход из внешнего внутрь себя самого, и там, в глубине, — опору, которая и есть внутренняя духовная сила. Пожалуй, стихи Миркиной можно уподобить молитвам — в том смысле, что чтение молитв — не работа воображения, а пребывание, соединение человека с Творцом. Воображение, культура — вторичны. Зинаида Миркина, таким образом, обращена к первоисточнику.

...Я был на дне рождении у друзей, и вдруг — звонок по мобильному, неизвестный номер. Кому это понадобилось мне звонить? Я спрятался в пустой комнатухе. Звонила Зинаида Миркина, горячо благодарила за недавно напечатанный в петербургском журнале «Зинзивер» отзыв, говорила какие-то взволнованные слова, призналась, что даже плакала, читая... Я растерялся, разволновался — и был счастлив: ведь звонила сама Миркина! Оказывается, она добыла мой телефон у своей давней подруги Ларисы Миллер, потому что очень хотела выразить переполнявшие её чувства.

С этого момента — с 2011 года — началась наша дружба. Неисчислимое количество раз я бывал у Зинаиды Миркиной и Григория Померанца в квартире, что у станции метро «Калужская» (они меня не однажды «забирали» на целый день, с ночёвкой), гулял с ними в ближнем лесу, ездил к ним на дачу, что по казанскому направлению железной дороги... Иногда делал дневниковые записи по свежим следам. Вот они — все в целостности и сохранности...

21 октября этого года Зинаиды Александровны не стало. Сейчас я очень удивлён тем, что не чувствую её отсутствия (так же, как не чувствую отсутствия и Григория Померанца), — видимо, потому, что настолько крепко и глубоко в меня вошёл её удивительный мир, полный жизни, которой нет конца.

Наш долг

Тишина строк-молитв Зинаиды Миркиной до дна очищает душу и до слёз переполняет благодатью. Григорий Померанц перелагает на человеческий язык то, что выше слов, то, что невыразимо. Он — тоже в своём роде поэт, а значит, настоящий философ. Где нет поэзии, там нет и философии. Поэзия и философия идут рука об руку; и Зинаида Миркина и Григорий Померанц — идут рука об руку. Вот пример счастливой, гармоничной семьи. Вот пример полнокровной творческой жизни, от которой в мире — теплей и светлей. «Это даже долг — быть счастливым, и делиться с людьми счастьем, а не своим мрачным видом и срывами больших нервов», — так, просто, излишне не мудрствуя, говорит Григорий Померанц.

28.01. 2011

Держась за звёзды

Переводы Зинаиды Миркиной «Сонетов к Орфею» и четвёртой «Дуинской элегии» прекрасны; такое глубокое понимание Рильке объясняется — помимо, разумеется, тонкого художественного вкуса, высокой культуры, — её нелёгкой судьбой, жизненным опытом, духовным содержанием.

Перед защитой диплома на филологическом факультете МГУ Миркину разбил паралич; пять лет она провела в неподвижности. Крепкий дух и сила воли победили болезнь. Из мрака она вышла на свет, обрела гармоничный и светлый мир. Мир, который вошёл в стихи, который — стал стихами. «Без боли не дойти до Бога, / Без боли — запертая грудь», написала она спустя много лет; нужно только «доглядеть страшную, граничащую с кошмарами очевидность до стройности и великой гармонии невидимого очам внутреннего мира» (из эссе о Рильке «Невидимый собор»).

— Мы очень многое себе позволяем, — с доброй улыбкой говорила мне Зинаида Александровна. — И каждый раз, совершая плохие поступки, даже просто впадая во гнев, наносим сильный удар по нашей внутренней глубине. Эта глубина есть у каждого, но не каждый хочет её видеть...

Умение «поднырнуть» под беду, найти опору в самой себе, или, как говорится в притче, которую Миркина очень любит, «держаться за звёзды» — даёт ей силы и радость жить. Когда Зинаиду Александровну — ещё в 79 лет! — осмотрел врач, он был поражён: «По тем результатам, которые я вижу, я мог бы представить человека по крайней мере в инвалидной коляске!..»

10.01.2012

Главные победы

«Ты нашла себя в том, как ты пишешь, а я нашёл себя в том, как я живу и люблю», — сказал своей молодой жене Григорий Померанц. Он был достаточно

мудр и силён, чтобы не побояться поставить себя на второе место. И произошло чудо: после этого его философские работы стали выходить одна за другой, его имя приобретало всё большую известность...

Сегодня Григорию Соломоновичу девяносто четыре. Силу и радость жить, считает он, ему всегда давал отказ от внешних побед в пользу внутренних. «Во всякой внешней победе заложен рок. За всякую победу надо платить. Только внутренние победы бесконечно плодотворны: над страхом, над желанием превентивать, богатеть, мстить. И побеждать. Ибо внешняя победа, до основания изничтожающая то, что нам кажется совершенным злом, тут же становится новым злом». То есть хороши только те победы, которые восстанавливают естественное равновесие и не дают чему-то одному разрастись за счёт остального.

Войну с Гитлером (в которой Померанц участвовал), всякую борьбу с несправедливостью он называл «исторической скорой помощью». Но тут же замечал: «нас увлекает возмущённое чувство справедливости, сострадания, жажды подвига, готовности на муки — и незаметно мы сами становимся мучителями». (Эта мысль к будущему философу пришла впервые, когда он стал многодневным свидетелем тому, как упоённые победой наши солдаты насильствовали немок и грабили всё, что только можно было унести... — страшные страницы мемуарной книги «Записки гадкого утёнка»).

Вернусь к тому, с чего начал: к семейной жизни. Григорий Померанц и Зинаида Миркина за без малого пятьдесят лет совместной жизни поссорились всего два раза: в первый — не сошлись во мнениях, истолковывая мысль средневекового немецкого теолога Мейстер Экхарта, во второй — Григорий Соломонович в последний момент из их книги «Великие религии мира» убрал «крамольный» абзац (не пропускали в печать по «идейным» соображениям).

А теперь — вот так, неожиданно, скачком — перейду к «низменному» быту, без него какой праздник. «Когда случалось выпивать, для меня была норма — бутылка коньяку, — спокойно признавался Григорий Соломонович. — С возрастом норма уменьшалась: четыреста, триста граммов... Зина не возражала: знала, что лишнего себе не позволю»... А сейчас?

2 января этого года мы втроём распили бутылку шампанского (Григорий Соломонович, конечно, охотней, нежели Зинаида Александровна). А как же: внутренние победы позволяют!

13.03.2012

Жизнь, смотрящая на небо

Большая радость: получил письмо от Зинаиды Миркиной, в нём много тёплых слов. И дорогих мыслей. «...Думать о Вас — это переноситься в то пространство, где я могу расправиться; где от меня ничего не ждут, кроме того, что нужно моей, нашей общей, Душе. Да, вот то — общее чувство — общая Душа — про-

странство, где от тебя ничего не хотят, кроме того, чтобы ты была самой собой. Когда кому-то это очень нужно, сколько сил прибавляется, даётся, дарится!

Меня окружает множество хороших и очень любящих меня людей. Но почти всем (многим, во всяком случае) меня слишком много, как слишком трудно дышать на глубине, или разряжённым воздухом горных высот. Поближе бы к поверхности, поразнообразней бы, поинтересней...

Что же нужно от меня? Силы, её обычно чувствуют. Но силы, чтобы помочь им жить в их пространстве, а не входить в моё».

На четырёх страницах — несколько новых стихотворений. То замечательное в своей простоте, где говорится о воскресении, я воспринимаю как очень личное для поэта (Зинаида Александровна пишет: «О нашей сегодняшней жизни можно было бы сказать много. Но сейчас не буду. Главное — это Окно, выходящее в лес и в небо. Огромное небо. И сам лес. На рассвете я сажусь у окна»... — а дальше, среди прочих, строки: «Открыв глаза, я погружаюсь в небо, / И небо погружается в меня»).

Здесь, пользуясь выражением поэта Наталии Черных, — небесный язык, действующий в человеческом сердце; «жизнь как она есть, смотрящая на небо».

Жизнь души бездонно молчалива.

Жизнь души сурова и проста.

Созерцание того обрыва,

Где потонет даже страх креста.

Жизнь души не знает отвлеченья.

Лишь самой собой душа полна.

Внутреннему пристальному зренью

Открывает тайну глубина.

Тайну Духа, тайну жизни вечной —

Тайну растворившихся небес.

Только тот, кто может не отвлечься,

Знает, что воистину воскрес.

15.04.2012

Во внутреннем смысле

Это была ещё только первая встреча с Зинаидой Миркиной, очное знакомство (а сколько мы до этого переговаривались по телефону!) Но я уже понимал их с Григорием Померанцем язык.

Однако когда мы прощались в прихожей, Зинаида Александровна мгновенно отреагировала на слова Григория Соломоновича, предупреждая моё неправиль-

ное их восприятие. Григорий Соломонович, выразив надежду, что я буду у них частным гостем, добавил:

— Мы рады тем, кто к нам приходит.

— Гриша, что ты такое говоришь? — смутилась Зинаида Александровна (то есть что значит: «тем, кто приходит», ведь приходил не кто-то, а именно я, это была такая долгожданная встреча!)

— Зинуля, — укоризненно посмотрел на неё Григорий Соломонович, — я же это сказал во внутреннем смысле!

А другого смысла у них и нет, — вернее, другой смысл отступает перед внутренним. Почему даже Кирилл Ковальджи, тепло относясь к Миркиной, всё же посетовал: у неё в стихах переизбыток тишины?

Это не переизбыток. Это сама тишина, это внутренняя глубина, это способность поднырнуть под беды, несчастья, неприятности, которыми, особенно в таком возрасте, ни Миркина, ни Померанц, увы, не обделены. Они так же крепки духом. Вот сейчас Григорию Соломоновичу грозит полная слепота, нужна сложная операция. Это в девяносто четыре года!.. Не знаю, что будет дальше. Скоро мы должны увидеться, тогда и обо всём поговорим...

1.07.2012

На светлой стороне

— Как только подступает раздражение, надо сразу замолкать, — сказал Григорий Померанц. — Потому что если ему поддаёшься — это уже не ты. На нас находит чёрная тень, она может накрыть нас с головой. И мы теряем себя. Через нас действуют тёмные силы, которые озабочены тем, чтобы нарушать наше внутреннее равновесие, только благодаря которому мы и можем жить в согласии с миром. Всегда я придерживался этого: нарастает раздражение — всё, молчи, ни звука.

Разговор шёл о том, что за свою совместную жизнь Григорий Померанц и Зинаида Миркина поссорились всего два раза (да и то на литературной почве).

Оба улыбались, и столько света было в их глазах...

21.07.2012

Чудо-рубашка

Ливень грянул под утро. Вот уже и полдень — а нет ему конца.

До Григория Померанца и Зинаиды Миркиной — минут пятнадцать ходу. Решил не бежать к остановке: рядом ожидало такси.

Водитель не знал, как подъехать к дому, и я вышел у соседнего, поблизости, на высокой террасе. Дальше предстояло пробежать по дорожке, потом по лесенке, и — через неширокий двор.

То, что я забыл номер квартиры — нестрашно: есть телефон. Но симка ровесовская, на счету — 9 рублей (из-за непогоды не стал искать, где его пополнить), а в Москве — вот новость! — с таким балансом «абонент недоступен» в оба конца! Что делать — ждать, пока кто-то выйдет, и просить чужой телефон?

Дверь подъезда открылась, и вышла... Зинаида Миркина. А чуть раньше, оказывается, высматривал меня Григорий Померанц. Как они почувствовали, что могут возникнуть столь непредвиденные трудности? Уму непостижимо...

Меня уже дожидалась серая рубашка Григория Соломоновича — на смену промокшей. А из какого материала хорошего, а как в пору она мне пришлась! Тут же хозяин порешил, что она непременно должна быть моей («У меня очень много рубашек!»)

Рубашка Григория Померанца... Моего размера... Надевать только по особым случаям... Хранить как музейную редкость!

22.06.2012

До сути

Зинаида Миркина рассказывала, что когда одного современного духовного учителя спросили, что приводит к спасению, тот ответил: умение видеть. Что видеть? — спросили его. Видеть, — отвечал учитель, — что золотое ожерелье, о котором ты мечтал, висит у тебя на шее, а что змея, которой ты боялся, всего лишь верёвка на земле.

То есть досмотреть мир до сути, которая не на поверхности, а — внутри.

Мало у кого есть на это время и силы. И я сам чувствую, что не могу сделать даже несколько шагов в этом направлении. Утешает то, что хотя бы топчусь где-то поблизости. А в лучшие мгновения, кажется, мне удаётся досмотреть... до чего? Нет, не могу сказать — «до сути»... А жизнь идёт.

5.07.2012

Первый лишний

В книге «Р.М.Рильке. Б Пастернак. М.Цветаева. Письма 1926 года» (Москва, 1990) приведена «Элегия» Марине; составители (К.М. Азадовский, Е.Б.Пастернак, Е.В.Пастернак) предпочли вариант Зинаиды Миркиной, оговорившись, что на русский язык это стихотворение переводили А.Карельский, В.Микушевич и другие.

Выбор безошибочный! Вот упомянут Владимир Микушевич, очень известный переводчик; но по его переводу невозможно прочувствовать те слова, которые Цветаева обращала к Рильке: «Вы не самый мой любимый поэт («самый» любимый поэт — степень). Вы — явление природы, которое не может быть моим и которое не любишь, а ощущаешь всем существом, или (ещё не всё!) Вы — воплощённая пятая стихия; сама поэзия, или (ещё не всё) Вы — то, из чего рождается поэзия и что больше её самой — Вас».

Однажды знакомая Зинаиды Миркиной присутствовала при чтении Микушевичем его переводов из Рильке в Коктебеле.

Микушевич начинал — вместе с ним вступал соловей. Замолкал Микушевич — замолкал и соловей. И так всё время. Перевод Микушевича не давал соловью покоя, возмущал соловьиный художественный вкус.

Разумеется, воспринимать стихи было невозможно. Слушали соловья.

16.09.2012

Тишины не бывает много

Из письма Зинаиды Миркиной (от 30 июля):

«Сейчас, к удивлению моему, у меня появилось много людей, очень любящих мои стихи. Но любят-то очень по-разному. Мне так хочется привести людей на берег Неисчерпаемой жизни, привести и оставить там наедине с этой Неисчерпаемостью, как с Океаном. Я тут ни при чём. Пусть останутся наедине с Этим, и в Этом мы встретимся. И нет большей радости, чем такая Встреча.

Но она бесконечно редка. Очень часто у меня возникает тоскливое чувство рядом с теми, кто любит мои стихи. Не могу этого сейчас объяснить, но думаю, что вы понимаете... «Переизбыток тишины...» Да разве может быть здесь переизбыток? Здесь её всегда мало...»

«Понятно, что живя в социуме, невозможно быть ограждённым от суеты, шума и дурных эмоций, — вторил ей Григорий Померанц, когда я в июне их навестил. — Но как сохранять в себе тишину, не расплескать её? Каждым вечером мы садимся у окна и провожаем день, глядя на небо, и так же встречаем каждое утро, каждый рассвет, как будто он — первый в нашей жизни.»

В тот день мы провожали вечер втроём. И утро встречали втроём. И как много сказалось в нашем молчании!

И как тревожно было мне сознавать, что до суеты — всего один шаг.

25.09.2012

Ведёрко

«Если бы пришли к нам прямо сегодня... — грустно ответила Зинаида Миркина. — Я не знаю, что будет через месяц, когда вы вернётесь. Гриша совсем ослаб. У него болезнь ноги, кровотечение, он много лежит, почти ничего уже не видит: из-за более зрение сильно ухудшилось».

Григорий Соломонович полулежал на диване, ожидая, пока Зинаида Александровна перевяжет ему ногу. Выглядел вроде бы как всегда, негромкий голос его звучал на прежних баритональных нотах.

Когда завтрак был готов, он, казалось, без труда двинулся на кухню. А после завтрака в зал, где мы о многом разговаривали, слушали новые стихи Зинаиды Миркиной.

«Когда в молодости со мной стряслось несчастье и я лежала в больнице, со мной много сидела подруга (сейчас её уже нет в живых), — призналась мне Зинаида Александровна. — Я говорила ей: погуляй, сходи в кино. А она отвечала: нет, я дождусь. пока ты выздоровеешь, и пойдём вместе... Но мне не нужно было её присутствие. Мне нужна была душа, беседа, внутренний диалог... Мне многие предлагают помощь в уходе за Гришей. Но Грише не нужен просто уход. Ему нужно то внутреннее, что нас связывает, тот диалог — словесный и молчаливый, который длится у нас столько лет. Со мной ему и думается и чувствуется свободно. Мы понимаем друг друга без слов. Его мысли и чувства — на той глубине, которая другим может быть непонятна».

«Все знают, что есть колодец, — улыбаясь, как обычно, одними глазами, сказал мне Григорий Померанц, — но не все знают, как достать воды: в душе должно быть ведёрко»...

26.09.2012

Одно целое

5 октября, по возвращении в Москву, я снова навестил Зинаиду Миркину и Григория Померанца.

Месяц прошёл трудно. Бывали бессонные ночи: не давала покоя нога, постоянно требовались перевязки. Вызывали и «Скорую» (чего не случалось за много лет). Зрение почти пропало. Причина — может быть, те же боли, а может, и другое, о чём сейчас не стоит говорить...

«Я стараюсь примириться с мыслью, что не всё в нашей воле, — тайком от Григория Соломоновича прошептала Зинаида Александровна, — и сейчас думаю только об одном: чтобы у него не было мучений. Каждый вечер мы ложимся — голова к голове — и я думаю: если бы я знала, что мы сейчас вот уснём и вместе не проснёмся — я была бы счастлива. Ведь мы с Гришей — одно целое».

Григорий Соломонович отпустил нас немного погулять в ближнем лесу.

Вернулись; настало время обеда: традиционно в 4 часа. В прихожей Зинаида Александровна — она даже не успела снять плащ (я помог) — позвонили по мобильному: какая-то пожилая поклонница. Её монологу не было конца! Так, с телефоном, Зинаида Миркина и прошла на кухню.

А я — в комнату Григория Соломоновича. Подробно рассказал, где мы были, где сидели на раскладных стульчиках, какой дорожкой возвращались, и где нас застали крупные и недолгие капли дождя.

Судя по репликам, доносившимся из кухни, монолог поклонницы всё продолжался.

Григорий Соломонович объяснил, где тарелки, где вилки и прочее, и я поспешил на помощь. Но... и тарелки, и вилки, и кружки, и холодные закуски уже стояли на столе, более того — на плите кипел картофельный соус! Единственно чего

не успела Зинаида Александровна, прижимая к левому уху назойливый телефон, — нарезать хлеб: всё же одной рукой неудобно, хлеб не «слушается»!

И всё за какие-то три-пять минут!

Пришёл Григорий Соломонович, сел. Зинаида Александровна по какой-то надобности ещё раз подошла к плите — и тут Григорий Соломонович громко ахнул.

— Что, Гришенька? Я наступила на тебя?

Лицо философа Григория Померанца приняло обычное спокойное выражение, и он с удовлетворением невозмутимо произнёс:

— Какое счастье, что ты наступила мне не на ту ногу.

5.10.2012

Просто любить

В тот день у Зинаиды Миркиной был такой голос, что я почувствовал: ей очень, очень нездоровится. А на другой — голос звучал как всегда.

— Вчера дела у нас были такие неважные, я так переволновалась за Гришу, что самой стало очень плохо. А теперь я понимаю: не надо волноваться. Надо любить. Просто любить.

12.10.2012

На глубине

Из письма Зинаиды Миркиной (написано в очень трудные для неё дни):

«Знаете, блаженный Августин сказал: на глубине бытия зла нет. А я добавлю: на глубине бытия страдания нет, болезни нет.

Да, это так. И только взгляд в эту глубину, устремление к ней и нужны по-настоящему. Наше земное тело принадлежит земле, а не той глубине, и поэтому страдания нам не избежать. И однако при контакте с той глубиной, при непреодолимой любви к ней, страдание выносимо и даже имеет какой-то таинственный смысл. Своё страдание — да, но страдание самого любимого... И всё-таки на глубине бытия страдания нет. И всё-таки нужно вести его, идти вместе с ним туда, в эту глубину».

7.11.2012

Гармоническая ёлка

Каждый Новый год Зинаида Миркина устраивала у себя дома огромную Ёлку — целую модель вселенной: на ней и сказочные существа, и птицы с рыбами, и планеты... Для каждой подсветки подбиралась соответствующая музыка.

На этих «ёлочных» представлениях, к каждому из которых Зинаида Александровна сочиняла традиционную философскую сказку, кто только не бывал! В этом году было не до Ёлки: уход за мужем, Григорием Померанцем, у которого

с осени резко ухудшилось здоровье, отнимал много сил. То есть, Ёлка 2012 года предполагалась как последняя.

Однако мне раскрыли секрет «последней Ёлки»: подобные прогнозы продолжают уже лет двадцать. А теперь получилось так: племянница Зинаиды Миркиной принесла в дом ёлку на сей раз маленьких размеров, и «ничего другого не оставалось», как наряжать её — на что ушло четыре дня (добавлю, что Зинаиду Александровну перед Новым годом свалила жестокая простуда). И снова было представление: философская сказка, музыка, стихи...

...У Григория Померанца неизменно бодрый голос, он, как говорится, «встал на ноги». На объявление в Сети о его болезни откликнулось большое количество человек; в их числе оказался и Борис Акунин: он хотел перечислить денежную сумму Померанцу лично. Отказа не принял, сказал: «Мне столько дал Григорий Соломонович, так почему я не могу ему помочь?» На Новый год девяносточетырёхлетний философ несколько переоценил улучшение своего здоровья... Об этом — отдельно.

Итак, Зинаида Александровна начала объяснять, почему Григорий Соломонович в новогоднюю ночь упал, направляясь из кухни в спальню. С бесстрастной философской интонацией Померанц перебил:

— Зина, ну зачем ты объясняешь очевидные вещи? Разве непонятно, что пьяница падает и не может встать.

Оказалось, Григорий Соломонович в бокал шампанского подлил кагора. Видимо, это и вызвало головокружение.

— Должны же в жизни происходить какие-то события, — резонно заключил Померанц.

6.01.2013

Последняя встреча

Я долго готовил себя к этому, хотя быть готовым невозможно. Жизнь Григория Соломоновича Померанца уже несколько лет висела на ниточке. Но он до последних дней оставался бодр. Его жизнью были — Зинаида Миркина, её стихи, которые он готов был слушать бесконечно, и классическая музыка — Зинаида Александровна включала ему диск, получив «разрешение» уйти на час погулять в лес, что в двух шагах от дома. Раньше-то они гуляли вместе, столько лет...

Последний мой приход... Я вошёл очень тихо: знал, Григорий Соломонович отдыхает в спальне. Снял обувь, куртку... Но вдруг — шаги и бодрый голос: «Я слышу, слышу, иду!» Он радостно шёл навстречу: ждал, встречаю!..

17.02.2013

Вдвоём

15 марта в Музее меценатов (Донская, 9, близ станции метро «Октябрьская») прошёл вечер памяти Григория Померанца. Здесь выдающийся философ вместе с поэтом и эссеистом Зинаидой Миркиной ежемесячно вступал с лекциями. Сейчас 87-летняя Зинаида Александровна выступала одна; после — говорили гости. Особенно запомнилось мне выступление поэта Андрея Таврова; он сказал, что благодаря Григорию Соломоновичу понял: цитата — мертва, живо только то, что ты сам делаешь в себе, на своей личной территории, а не просто вычитываешь из книг, восхищаясь, захватываясь какой-либо мыслью. Несколько слов сказал и я. Было много цветов...

Меня многие спрашивают: как чувствует себя Зинаида Миркина? Ведь с Григорием Померанцем они были одно целое. С его уходом могли прийти жуткая пустота, упадок сил, нежелание жить... Нет, всё не так. Зинаида Александровна способна справиться с чем угодно, она очень сильный человек. И выглядит — ничуть не постаревшей.

— Если бы жизнь была больше смерти, — говорила она, когда мы гуляли в ближнем к её дому лесу, — мы бы всю жизнь лгали друг другу. Но все мы стоим перед лицом смерти. Да, она приходит. И мы, живущие, не можем не страдать, — то есть не принять сораспятие. Но потом мы должны подняться над смертью — иначе не будет Воскресения. А если мы не проходим сораспятия, легко относимся к смерти близких — то это не Воскресение, а игра в Воскресение. Слова «Оставьте мёртвых хоронить своих мертвецов» кажутся жестокими, но важно понять их правильный смысл: не за смертью идите, а за жизнью, где живут и те, кого с нами уже нет. В квартире я одна, мне никто не нужен. И я не чувствую одиночества. Каждый день я сажусь у окна, рядом со мной — портрет Гриши. Я поплачу. Но мои слёзы — не самосожаление. Это — переливающаяся через края любовь. Я очень скучаю без него. И в то же время я чувствую, что мы вдвоём.

15.03.2013

На даче

Лето для Зинаиды Миркиной выдалось непростым. Во-первых, она две недели гостила у своих близких друзей в Норвегии (впервые без мужа, Григория Померанца), а там-то и случилась беда, упала на каменный пол в магазине. Встала сама, пошла... Проходил следующий день, а боль в руке усиливалась. Одним словом, пришлось накладывать гипс. И в гипсе, и уже без гипса, — дикие боли, бессонные ночи. В конце июля вроде стало полегче. Всё это время (после Норвегии) она проводила на даче (платформа «Отдых», близ города Жуковский). Я навестил её в начале августа, мы сидели на втором этаже большого деревянного дома (порадовался тому, как восьмидесятивосьмилетняя женщина легко поднимается по винтовой лесенке), Зинаида Александровна читала стихи, мы беседовали, молчали, глядя на просторный сад с отдельно стоявшими огромными берёзами

и соснами... Выглядела она очень хорошо, никаких следов болезни. И никаких следов утомления от встречи (так, впрочем, бывало всегда, и всегда мне неловко было уходить; самый приятный вариант для неё и для Григория Соломоновича был — если я оставался ночевать).

Недели через три, вернувшись из Вологды, я позвонил ей. «Вы могли меня уже и не застать... У меня дважды был сильнейший скачок давления, дважды вызывали скорую... Может, и говорим в последний раз».

Нет, не хочется мне думать о таком!..

24.09.2013

Второе место

У Зинаиды Миркиной вышла новая книга стихов «Тайная скрижаль», посвящённая памяти мужа, Григория Померанца. Мы много говорили о нём.

Вот слова Зинаиды Александровны:

Каждая боль была его болью, обидеть кого бы то ни было он просто не мог. И при этом никогда в жизни я не видела его обиженным.

Его малое я не умело высовываться наружу. С великой радостью он видел то, что больше него, и раскрывал душу этому большему, таким образом впуская его в себя.

Впуская большее, рос, рос всегда, рост его не останавливался, потому что душа была всегда открыта, то есть очищена.

Никакого засорения самолюбием, ни малейшей озабоченности о том, что о нём скажут, на какое место его поставят.

Раз и навсегда он выбрал для себя второе место, предоставив бороться за первенство всем, кто хочет.

Всегда чувствовал, что на самом первом месте Бог, а нам остаётся только любить Его. Был огромный спрос с себя и только с себя.

Никакой поблажки себе. И однако никакого надрыва. Удивительная гармоничность. Делал всё, что мог, не больше, но и не меньше.

8.01.2014

Зависимость

За всю свою жизнь мне приходилось от силы раза три быть экскурсантом (да и то давным-давно), — когда иных вариантов не оставалось. И тогда не мог избавиться от острого желания покинуть группу, затеряться среди прохожих, среди зданий, среди природы... Неприемлем для меня и туризм.

В январе беседовали с Зинаидой Миркиной, и она высказала именно то, что я чувствовал, но никогда не пытался сформулировать...

— Антоний Сурожский приводил такой пример: рука, которая держит часы, связана часами и уже непригодна ни для чего другого. С информацией то же самое. Когда ум перегружен информацией, созерцание невозможно. Водитель машины должен помнить множество вещей, нарушение правил грозит опасностью, какое тут созерцание. Человек, который разжигает костёр в лесу, видит больше, чем турист, повывавший весь свет. Да, турист много увидел. Но меньше созерцал. А может быть, и ничего не созерцал. А без созерцания нет причастности к Богу...

12.2.2014

Не обрушилось

Мы встретились с Зинаидой Миркиной 2 января. Всё как обычно: подвижная, бодрая, никакого впечатления глубокой старости. Словно совершенно здоровый человек...

— Нам говорили: «Вы так крепко держались друг за друга, вы были как одно, и мы думали, что когда кто-то из вас уйдёт — всё обрушится как карточный домик». А я ответила: «Мы и сейчас держимся друг за друга».

Да, Григорий Соломонович Померанц всегда с ней, о нём она думает, к нему обращается своими стихами. «Значит, надо за тобою — в путь», — пишет она одном из стихотворений, — но не «в загробные пределы», а дорогой, которая дольше и труднее — «за душой любимую твоей». В другом — так: «Но мы ведь повстречались в Боге / На вечность — не на краткий миг». Свою новую книгу памяти Григория Померанца «Тайная скрижаль» (вышла в Москве в издательстве «Время» в этом году) Зинаида Александровна подписала мне соответственно: «Дорогому Эмилю — от нас обоих с любовью и благодарностью»...

16.02.2014

Устойчивость души

Решил записать, пока помню, то, что мне говорила Зинаида Миркина о поэзии.

Это — концентрированная в слове огромная жизненная сила, которая — обжигает, заражает, заряжает. А если этого нет... Можно назвать себя цветком, но ведь нужно цвести и благоухать!

Поэзия — предельно точное самовыражение или отражение чего-то большего, чем ты сам, умение видеть и любить это большее и доносить его дыхание до людей. Настоящее искусство — это благовестное знание о том, что всё, выраженное нами, гораздо менее того невыразимого, которое нас наполняет.

Ну и ещё: поэзия — это устойчивость души.

12.05.2014

Смотрящий

— «Романтик» — какие-то уж слишком легковесные слова для человека, который больше склонен радоваться жизни, нежели с головой погружаться в свои горести, — сказал я однажды Зинаиде Миркиной.

— Кто такой романтик? — ответила Зинаида Александровна. — Это человек с обострённым чувством прекрасного и обострённой реакцией на безобразное. Он выбирает прекрасное и отталкивает безобразное. Но есть внутренняя реальность — реальность нашей внутренней безграничности. Духовный реалист ничего не выбирает и ни от чего не отталкивается. Он ощутил реальность непреходящей красоты и узнал на опыте, что безобразию, болезни и смерти не обладают полнотой реальности. И он знает, что должен вынести на своих плечах эту неполную реальность, черпая силы в другой, внутренней — полной. Не прятаться от боли и смерти. Не убегать. Надо иметь мужество доглядеть до конца фильм ужасов. Но знать, что это — фильм, а я — смотрящий — реальность.

25.04.2015

Земля обетованная

Зинаида Миркина высказала такую мысль: когда народ поверит в Бога, Бог даёт ему землю обетованную; когда народ поверит в землю обетованную, она выскальзывает из-под ног. И добавила к ней уточнение Григория Померанца: землёй обетованной может быть и церковь, и многое другое; но принять то, на что упал свет, за сам свет — начало идолопоклонства.

25.04.2015

Две идеи

Из дневников Григория Померанца, запись от 19 декабря 1971 года:

«Бороться со злом. Но не для того, чтобы разбить зеркало тишины: в него смотрится Бог. Без его отражения зло поселится в самом тебе.

Чтобы не повредить зеркала, приходится оставлять его недобитым, недокорчёванным.

Может быть, поэтому Бог и оставляет зло в мире, не выдёргивает всех корешков зла. Выкорчевать всё без остатка — идея дьявола, идея «окончательного решения»...

И — переключка с записью от 1 октября 2003 года: «Окончательное решение всех проблем жизни — смерть».

30.04.2015

Молчание через край

Большая радость: в первой половине октября получил большое письмо от Зинаиды Миркиной.

То, о чём она пишет, имеет право писать человек, сам прошедший через смерть, и перенёсший невосполнимые потери. Человек, из тьмы вышедший на свет.

«...Однако чтобы этот чистый свет передать, нужны особые условия, особое состояние, что ли. Не знаю, как сказать. Первично само состояние души, когда она отходит в сторону, не заслоняет собою Свет... Да, труднее всего выйти из своего я, которое заслоняет собой источник Жизни, источник Света. Но чтобы передать Свет, дать ему пролиться через, сквозь тебя, нужна поэзия. Сколько бы ты ни говорил о Свете, ты его не передашь. Слова останутся словами. Стихи для меня — это переливающееся через край молчание. Иными словами — воплотившаяся душа или солнце внутреннее, вышедшее из-за туч».

16.11.2015

Неудачная прогулка

Дважды в этом месяце был у Зинаиды Миркиной. 9 января ей исполнилось 90. Но как же она хорошо выглядит! Бодрая, свежая. Сразу зовёт на кухню. В последний раз ничего приготовленного не было, и она мгновенно соорудила яичницу с колбасой.

...Полтора месяца назад, гуляя в ближнем лесу, поскользнулась и упала на грудь. Поднялась с помощью людей, домой вернулась сама. Я спросил: не сломалось ли чего. «Повредила рёбра, — говорит». — «И что теперь?» — «Ну что... Рёбра ведь не лечатся». — «Болят?» — «Нет, — преспокойно ответила Миркина. — Уже не болят».

24.01.2016

От солнца к дождю

С ночи почти до полудня шёл сильный дождь, какой-то уж очень грустный. А я снова возвращаюсь мысленно в август.

...Я знал, что Зинаида Миркина должна была недели на две уехать к морю, на Куршскую косу. Но незадолго перед отъездом сочла благоразумным отказаться: «Я пережила в последнюю неделю очень трудные дни, не знаю, как я их выдержала; выдержу ли дорогу?»

Так вот: приехал я в солнечную столицу 20 августа, звоню Зинаиде Александровне, и слышу: «Известие очень огорчительное для нас: я всё же решила ехать, улетаю завтра утром. А так хотела бы повидаться! Но не знаю, как буду вечером себя чувствовать, уж очень плохо мне было в последние дни; и ещё собираться надо». В общем, решили так: я буду действовать по своим планам, а если ста-

нет возможным всё-таки увидиться, что Зинаида Александровна позвонит: вдруг я окажусь свободным?

Звонок прозвучал через 15 минут: «Нет, всё-таки не увидиться нам невозможно!» Договорились на семь — полвосемьмого вечера.

Вот и дом, и квартира, где я и не счесть уже столько раз бывал, и ночевал... После смерти мужа, Григория Померанца, Зинаида Александровна именно мне захотела передать ценные его вещи: тёплый норвежский свитер, зимнюю меховую куртку (в морозы под неё не только норвежский, но и любой другой свитер нет необходимости надевать: настолько согревает), и прочее...

Открывает хозяйка; и я не только никаких следов страданий не вижу: скорее, она помолодела! Это в девяносто с половиной лет! Всё как обычно: поговорили в зале, там же я слушал новые стихи (стихи — способ её существования, беспрестанный разговор с Григорием Померанцем), потом перешли на кухню... Смущаясь, Зинаида Александровна спросила, не смог бы ли я завтра, в 10 утра, помочь перенести сумку (25 кг, — книги) из квартиры до машины (когда я приезжаю в Москву, живу близ метро Калужская; до дома Миркиной — минут 15 пешего ходу).

Наутро Зинаида Александровна помолодела ещё больше: бодрая, улыбчивая, в бейсболке; ну прямо курортница!

30.18.2016

Опора

«Я очень больна. Может быть, уже не встану. Но сейчас с трудом подошла к столу. У меня глубокая потребность сказать несколько слов».

Это начало последней статьи Зинаиды Миркиной в «Новой газете».

Тяжёлая болезнь Зинаиды Александровны (парез, с юности) — не даёт покоя ей всю жизнь, время от времени напоминает о себе приступами. 10 января Миркиной исполнился 91 год. Что сейчас? Совсем плохо?

Я позвонил как раз в тот момент, когда она собиралась на вечер памяти Григория Померанца. Оказалось: невыносимо изводит давление. (Об основной болезни не говорю). Из-за этого не каждый день выходила гулять в ближний лес (а вообще такие прогулки для неё ежедневны). Мне страшно называть показатель давления, с которым Зинаида Александровна ехала на этот вечер. Короче, скажу так: за 200.

Разговаривали сегодня. Голос бодрый, очень обрадовалась. Первый день относительно нормального самочувствия, давление «ушло». «Держусь на силе духа, единственная моя опора!»

И ещё о том, что давало и даёт Зинаиде Миркиной силу жить. Восприятие жизни как чуда. Мы так привыкли к дару жизни, — часто говорит Миркина, — что совсем не воспринимаем это чудом. Обычно считают, что чудо — что-то

необыкновенное, то, что не встречается на каждом шагу. Одни в него верят, другие — нет. Но и для тех и для других — не жизнь есть чудо, а чудо есть в жизни. Или его нет в жизни. То есть жизнь — жизнь, а чудо — это чудо. Но чудо — заключается внутри жизни. И чудо жизни есть дар величайшей любви. Собственно, чудо, любовь и жизнь — синонимы. Чудо и любовь — это просто другие имена жизни.

2.02.2017

Созерцание как источник жизни

Фрагмент из книги Григория Померанца «Собирание себя»; кое-что я смогу подтвердить.

«Мне кажется, что поразительные усилия Японии на деловом поприще опираются отчасти на то, что японцы сумели сохранить в динамической жизни свою культуру созерцания. Созерцание — огромный источник сил. Я это непосредственно наблюдал по Зинаиде Александровне, когда она, с трудом добравшись до какого-нибудь уютного залива, посидев там часа полтора или два, начинает лететь в таком темпе, что я едва за ней успеваю. Хотя я знаю, что физических сил у неё очень мало. Созерцание даёт второе дыхание, с которым можно преодолеть любые трудности. И тут надо суметь найти такие формы созерцания, которые будут совмещаться со складывающимся бытом. Но с природой — в особенности в её вечерние, утренние часы, когда происходит то, что можно назвать космической литургией».

Каждый день Григорий Соломонович и Зинаида Александровна встречали у окна рассвет и закат — и в это время молчали, смотрели на небо и ближний лес. Созерцали. Сейчас Зинаида Миркина делает это одна.

И вот ещё что. Я несколько раз сопровождал её в этот самый лес. Сначала она шла медленно, просила почаще останавливаться: отдышаться. А домой из леса она возвращалась быстрым шагом. Всё так, как написал Григорий Померанц!

17.02.2017

Закон творящей силы

Набираю сложный код, чтобы войти в подъезд Зинаиды Миркиной, и думаю: ох... хоть бы подольше это продлилось... моё вхождение в этот подъезд... и набирание этого кода...

3-й этаж, 29-я квартира; дверь мгновенно открывается; улыбающаяся Зинаида Александровна. Легко присев, достаёт тапочки. Ничуть не изменившаяся, даже словно помолодевшая! 91 год... Как обычно — сразу на кухню: щи, второе, бутерброды, чай...

Конечно, ложное впечатление! В декабре её забирали в реанимацию (стенокардия, давление зашкаливало за 200) — отказалась. Обычное дело: держится на

силе духа — и на стихах. Как всегда, прочла многое, написанное в этом году; хватит на две новые книги! Вот только где взять силы новые сборники составить? К сожалению, Зинаида Александровна стала быстро уставать от любого дела, в том числе и от общения с желанными гостями...

2.05.2017

Всё хорошо

На второй день пребывания в Москве встретился с Зинаидой Миркиной: приехал к ней на дачу, что близ станции «Отдых» («казанское» направление). Калитку открывать уже научился (там секрет нехитрый); лишь вошёл — навстречу Зинаида Александровна, только что сошедшая с крыльца деревянного дома. Да как бодро, словно полна сил!

На самом деле всё сложнее: периодические приступы болезни, которая не покидает её с молодости, да ещё скачки давления, и сердце, и... в общем, всё то, что не видно внешне; внешне всё хорошо!

Как всегда, долго говорили, я слушал новые стихи (которые и дают ей силы), был обед, приготовленный сестрой Ириной Александровной... Всё было замечательно. Что ещё сказать?..

21.08.2017

Неизвестный

За время, пока мы с ней не виделись, вышли две книжки всех её переводов из Рильке, и две-три — переиздания давних стихов. Оказывается, к Миркиной обратился владелец преуспевающей фирмы с предложением помочь издать всё, что она хотела бы, поскольку стихи Миркиной всегда помогали и помогают ему жить. Когда Зинаида Александровна пожелала, чтобы в книгах указывалось его имя («с благодарностью...» либо «издана при финансовой поддержке...»), тот воспротивился: «Не надо. Я хочу остаться неизвестным».

...Всё-таки они удивительны, эти стихи. Язык предельно прост, так могли писать и в позапрошлом веке. Но дело не в языке. Какую тишину создают слова, порядок слов! Подобно молитвам, стихи не блещут метафорами и образами; в них — отражение чего-то большего, чем сам поэт, умение видеть и любить это большее и доносить его дыхание до тех, кто способен уловить звуковые вибрации строк. В них знание о том, что всё, выраженное поэтом, гораздо менее того невыразимого, которое его наполняет. Не «искусство слова», а необходимость перевести безмолвное общение с Богом на человеческий язык. То есть — здесь не приёмы, не находки, не эксперименты; это «другая» поэзия, стихи так называемой «духовной традиции», где не преследуются эстетические задачи. Не «торжество культуры», а родник, питающий культуру.

23.08.2017

На языке любви

Сегодня позвонила Зинаида Миркина. 29 декабря мы виделись с ней (в Москве), 10-го января я звонил поздравить с днём рождения. 92 года! Всегда она меня удивляет тем, что выглядит очень хорошо, несмотря на тяжёлую с детства болезнь. В этом году Зинаида Александровна в очередной раз нарядила огромную Ёлку — труд, на который уходит несколько дней.

Так вот: Зинаида Александровна пожаловалась, что неделя была очень тяжёлой, долго пролежала в постели (на сегодня — всё обошлось), — что заставило её вспомнить о своем довольно почтенном возрасте, — а я всё не звоню, хотя всего один звоночек ей бы не помешал для поднятия духа; «вот я и решила позвонить сама, ведь кто знает, сколько мне осталось жить? Свидимся ли ещё?»

Но не буду здесь себя винить. Скажу о том, что в этот раз застал у Зинаиды Александровны гостью из Перми Юлию. Вообще, мне приходилось видеть у Миркиной молодых людей, её почитателей, и у всех у них в глазах какой-то особый свет — как отражение чистоты души. Зинаида Александровна удивительным образом способна заряжать энергией, от неё не уходишь — летишь как на крыльях... Она из тех людей, которые никогда не становятся старыми, оставаясь до конца дней просто «пожилыми людьми».

У нас с Юлией между делом произошёл короткий и важный разговор. Я спросил её — как у вас там, в Перми? Я слышал, что об этом городе обычно не в радужных тонах отзываются, имея в виду его облик и его жителей: тяжёлый город!»

Ответ мне оказался понятен и близок на все сто процентов:

— Не знаю, почему так говорят, — сказала Юлия. — Я люблю Пермь. Каждый день заканчивается у меня с мыслью: «люблю тебя, Пермь». И Пермь отвечает мне тем же. Так и длится наш диалог. И я думаю, тут дело не в моём городе именно. Это диалог с жизнью. Он может происходить в любом месте, через любого человека, или обстоятельство, или событие. Со мной мир говорит о любви. И может быть, с ним можно говорить о разном, но если ты говоришь с ним о любви, он всегда отвечает. И создает тысячи причин, чтобы родились в твоём сердце тёплые слова, обращённые к этому городу, к этому событию, к этому человеку. А вообще я не перестаю удивляться красоте и разнообразию людей. Особенно если смотреть на них без ожиданий и требований — а просто. Без ничего. Тогда открывается тайна о человеке. Даже если «фасад» кажется каким-то «не таким», там, в глубине, всегда есть тайна».

3.02.2018

Без права на безысходность

«У меня нет права на безысходность», — таково убеждение Зинаиды Миркиной. Внешне 1-го мая она выглядела так же, как всегда: подвижной, улыбчивой, — именно в силу этой глубоко укоренённой убеждённости; но с особым упор-

ством одолели тревожные мысли. «Я не боюсь, что мне осталось немного. Меня держат прогулки в лесу, где я всецело отдаюсь созерцанию, меня держат стихи, которые приходят ко мне каждый день. Я боюсь только стать лежачей, неспособной ничего делать самостоятельно. Недавно я ходила в лес, и впервые упала, когда вставала со стульчика. Рядом были люди, помогли подняться. И теперь я не могу быть уверенной, что смогу ходить в лес каждый день. Приходится решать: либо идти, либо лучше — прилечь, отдохнуть. Очень хотелось бы дожить до нашей следующей встречи. Август наступит скоро, но ведь мне всё-таки девяносто два. Сейчас я прочту стихотворение, которое написала, когда сидела в лесу весной, ещё лежал снег.

*Весть льётся в полной тишине
о тайне светлой и могучей.
Деревья поручают мне
Их весть беззвучную озвучить.*

*Какой простор разлит вокруг!
Лишь с веток снег слетит случайно.
Но как найти тот самый звук,
Который не нарушит тайны?»*

1.05.2018

Поющий свет

В июне позвонила Зинаида Миркина и сообщила... о совсем плохих делах. Ходить без посторонней помощи она уже не может, большую часть дня лежит, силы уходят: «Я бы уже хотела, чтобы всё кончилось, но чувствую, что такое состояние продлится ещё долго». В середине августа я навестил её, и состояние Зинаиды Александровны меня не порадовало.

В ранней молодости Зинаиду Миркину постигло большое несчастье: перед защитой диплома на филологическом факультете МГУ свалил паралич (парез); пять лет она провела в неподвижности. Но крепкий дух и сила воли победили болезнь — хотя врачи вынесли заключение: лечить бессмысленно, родителям остаётся только забрать её домой — доживать.

Болезнь никуда не делась, приступы продолжались на протяжении всей жизни. Но по Миркиной это всегда было незаметно: до своих девяноста двух она оставалась «пожилым человеком» (никак не «старым»), вид имела бодрый, и я не раз наблюдал с удивлением, как быстро Зинаида Александровна поднимается на второй этаж по крутым ступенькам своей деревянной дачи. После ухода из жизни своего любимого мужа Григория Померанца (с которым она, за исключением двух пустяковых случаев, прожила без ссор) Зинаида Миркина пожелала жить

в квартире одна: тем более что вполне могла сама себя обслуживать (я уж не говорю о ежедневных — в любую погоду — прогулках в ближнем лесу).

Но человеческие силы не беспредельны. Уж слишком много пришлось вынести.

По-моему всё, написанное Зинаидой Миркиной, издано и переиздано: работы о Пушкине, Достоевском, Цветаевой, Рильке (а её переводы из Рильке относят к высшим достижениям отечественной переводческой школы), многочисленные эссе, совместная с Григорием Померанцем книга «Великие религии мира», и конечно, стихи. Сейчас Зинаида Александровна, когда появляются силы, принуждает себя встать, сесть за стол и готовить стихотворное избранное (предполагаются два тома). Кстати, практика перевода довольно сложных текстов не повлияла на её собственный язык, простой, прозрачный, чуждый изысков и метафорических ухищрений («дух не нуждается в пластических образах», — обронил как-то Померанц). Каждый день заканчивается тем, что она перед сном слушает классическую музыку; её потребность — в основном Бах, Моцарт, Бетховен.

С ней ежедневно находится сестра — Ирина Александровна.

13.08.2018

Важнее всего

*Я складывать слова умею,
Но перед чем-то я нема.
Ведь что-то в жизни есть важнее,
Чем наша боль, чем жизнь сама.*

*Оно важнее всех предметов,
Всего, что мыслью рождено.
И помнить надо только это.
А как назвать — мне всё равно.*

21.09.2018